

Сесилия Джемисон

Приемы чёрной Макиетты

Книги на все времена (Энас)

Сесилия Джемисон

Приемыш черной Туанетты

«ЭНАС»

1894

УДК 82-3
ББК 84-44

Джемисон С. В.

Приемыш черной Туанетты / С. В. Джемисон — «ЭНАС»,
1894 — (Книги на все времена (Энас))

ISBN 978-5-91921-073-3

Эта сентиментальная повесть принадлежит перу американской писательницы Сесилии Джемисон, автору широко известной в России книги «Леди Джейн». Герой повести, мальчик-сирота, живет со своей приемной матерью – мулаткой Туанеттой. Он беден, но счастлив. Однако с утратой близкого человека это счастье рушится... Немало тягот и лишений доведется перенести маленькому Филиппу, прежде чем он обретет семью. Для среднего школьного возраста.

УДК 82-3
ББК 84-44

ISBN 978-5-91921-073-3

© Джемисон С. В., 1894
© ЭНАС, 1894

Содержание

Предисловие от издательства	6
Глава I	7
Глава II	10
Глава III	12
Глава IV	14
Глава V	17
Глава VI	21
Глава VII	25
Глава VIII	29
Глава IX	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Сесилия Джемисон Приемыш черной Туанетты

Предисловие от издательства

Американская писательница Сесилия Джемисон (Cecilia Viets Jamison) родилась в Ярмуте (Новая Шотландия) в 1837 году. Когда Сесилия была еще подростком, семья переехала в Америку. Девочка получила образование в частных школах в Канаде, Нью-Йорке, Бостоне и Париже.

Стремясь стать художницей, Сесилия в течение трех лет изучала искусство в Риме. Тогда же она начала заниматься писательской деятельностью. На протяжении всей своей жизни Сесилия продолжала карьеру в обоих направлениях – рисовала картины и писала прозу.

Литературное наследие Джемисон фактически состоит из двух частей. Сентиментальные романы для взрослых снискали писательнице некоторую популярность, но настоящего успеха не принесли – ее произведения мало выделялись из множества других.

В последние годы жизни (Джемисон умерла в 1909 году) писательница полностью переключилась на создание детской литературы. Именно на этом поприще она обнаружила незаурядный талант и получила заслуженное признание. Самая известная повесть «Леди Джейн» («Голубая цапля») была написана в 1891 году. Она несколько раз переиздавалась и была переведена на французский, немецкий, норвежский и русский языки. Сентиментальный образ сиротки-героини и занимательная фабула на долгое время сделали это произведение любимой книгой детей и подростков.

Повесть «Приемыш черной Туанетты» нашему читателю известна меньше – в России она не переиздавалась с начала XX века. Настоящее издание воспроизводит перевод и иллюстрации того времени.

На юге Америки, в новом Орлеане живет мальчик Филипп – приемный сын пожилой негритянки Туанетты. Закончившаяся за несколько лет до этого гражданская война, разделившая северные и южные штаты на два враждующих лагеря, роковым образом отозвалась на судьбе Филиппа – он ничего не знает о своих родителях. Тайну его происхождения хранит лишь приемная мать мальчика…

Глава I

Филипп, Дея и Гомо

В одно прекрасное солнечное утро, в начале марта, по Королевской улице французского квартала города Новый Орлеан, в Америке, тихо брели двое детей, мальчик и девочка, в сопровождении большой лохматой собаки. Мальчику было на вид лет девять, а девочке – не больше восьми. Что касается собаки, никто не мог бы определить даже приблизительно ее возраста, но она была далеко не молода. По седой шерсти на ее морде и худым, впалым бокам видно было, что она прожила немало и видела не один черный день. Она была из породы волкодавов: свищавший хвост, унылая походка; грубая, щетинистая шерсть покрывала худое туловище; длинный нос и тонкие подвижные уши придавали морде умное, пытливое выражение. Не глядя по сторонам, собака шла по пятам за детьми, временами обнюхивая мешок, который мальчик нес на спине. Когда дети замедляли шаг, чтобы заглянуть в окно магазина или уступить дорогу прохожему, останавливалась и собака; она не спускала жадных глаз с мешка, и по временам из раскрытой пасти на тротуар капала слюна. Мальчик время от времени с улыбкой взглядал на терпеливое животное и нежно гладил худой темной ручкой собаку по голове.

– Гомо чует завтрак. Ничего не поделаешь! Надо сделать привал и покормить его, – сказал наконец мальчик, ставя на ближайшую скамейку лоток с цветами, который бережно нес.

Это был прелестный ребенок, тонкий и гибкий, довольно высокий для своего возраста, с веселыми голубыми глазами, тонкими, правильными чертами лица и темными выющимися волосами. Он был одет бедно, но очень опрятно в синюю куртку и такие же короткие панталоны; белая шапочка едва покрывала густые волосы, спадавшие тяжелыми кольцами на лоб к прямым темным бровям.

Маленькая девочка, сопровождавшая его, представляла на редкость живописную фигурку. Темное красное платьице доходило до самых пят; белый муслиновый шарф, повязанный крест-накрест, был закреплен сзади, и длинные концы его тащились по тротуару; черные волосы девочки, прямо подрезанные, падали густой гривой на плечи и были покрыты красной шелковой косынкой, завязанной узлом под подбородком. Ее крошечное измученное, прежде временно постаревшее бледное лицико, неестественно большие глаза были бездонно мрачны – так мрачны, словно луч веселья никогда не заглядывал под опущенные веки, а маленькие губы были крепко сжаты, словно никогда не знали улыбки.

Она несла на руке корзину, в которой лежало несколько бережно завернутых в мягкую бумагу фигурок из цветного воска, вылепленных очень искусно. Одна из них изображала Эсмеральду с козочкой, другая – Дею и волка, третья – Квазимодо, – вообще все они представляли героев произведений знаменитого французского писателя Виктора Гюго. Как видно, эти фигурки были для девочки святыней, потому что она несла их с величайшей осторожностью, изредка бросая взгляд, полный любви и гордости.

Когда мальчик остановился и опустил лоток с розами, фиалками и померанцевыми цветами на землю, девочка также остановилась и поставила корзину на ступеньки, закрыв восковые статуэтки толстой бумагой от солнца и пыли.

Освободив руки, мальчик принял развязывать мешок, не переставая улыбаться собаке, которая жалась к нему, не отводя выжидающих глаз.

– Не волнуйся, Гомо, не волнуйся! – ласково говорил мальчик. – Ты получишь свой завтрак. Я просил мамочку Туанетту положить побольше хлеба. Я знаю, что ты голоден, знаю!

Девочка, крепко сжав руки, смотрела на мешок почти так же жадно, как и собака. Мальчик вопросительно посмотрел на нее, и лицо его вспыхнуло до корней волос.

– Ела ли ты перед уходом, Дея? Только говори правду: ела? – настойчиво спрашивал он.

Девочка побледнела еще больше и отвела глаза в сторону, ничего не ответив.

– Говори же, Дея, скорее! Я не дам ни кусочка Гомо, пока ты не скажешь правды!

– Мне не хотелось есть, Филипп, – ответила девочка дрожащим голосом. – У бедного папá был один из его припадков.

– И ты не спала всю ночь? Я вижу это по твоим глазам!

– Спала, да не очень, – проговорила она со вздохом. – Папá шагал всю ночь; видно, он сильно мучился, а я не могу спать, когда он страдает.

– Понятно, не можешь, – проговорил мальчик с нежностью. – Но не думай теперь ни о чем, Дея, – ешь сама и покорми Гомо. Ты ведь любишь такие котлетки, а здесь хватит для всех нас. – С этими словами мальчик вынул белую чистую салфетку и разложил на ней куски черного хлеба и котлеты. – Ешь, сколько захочется, – и он радушно протянул ей еду.

– Я дам и Гомо, – промолвила девочка, беря кусочек котлеты кончиками тонких пальчиков и поднося его собаке, которая проглотила лакомый кусочек, даже не прожевав его.

Пока девочка и собака утоляли голод, мальчик раскрыл корзину и стал вынимать статуэтки одну за другой. Он с восхищением вертел их во все стороны и тщательно сдувал каждую пылинку.

– Они совсем как живые, Дея! – воскликнул он с жаром. – Я уверен, ты продашь хоть одну. Ты не продала, кажется, ни одной с Масленицы? Тогда была дождливая погода, а теперь светит солнышко, и Королевская улица полна приезжими, – наверное, продашь сегодня хоть одну!

– О, и я надеюсь, Филипп… за бедного папá! – ответила девочка, отдавая последние крошки хлеба собаке. – У него ни гроша, а он такой несчастный, когда у него нет денег! – И она, закрыв лицо руками, заплакала.

– Не плачь, Дея, не плачь, – нежно молил мальчик, поднимая свой лоток и корзину девочки. – Пойдем, пойдем скорее. Толстая Селина нынче вернется и, наверное, принесет тебе что-нибудь.

– А если не придет, что мне делать? Бедный папá вчера уж сидел без ужина, а нынче он и не завтракал. Мне бы надо отнести ему хлеб и котлеты, которые ты мне дал… Мы с Гомо могли бы подождать… Я была не очень голодна – ведь я завтракала вчера с тобой! Теперь уж поздно – мы съели все, а у бедного папá ничего нет!..

– Возьми и остальное, Дея, – самоотверженно предложил мальчик. – Мне ничего не нужно, я могу подождать до вечера. Мамочка Туанетта обещала мне дать гумбо¹ на ужин.

Девочка слабо улыбнулась сквозь слезы, следя за своим другом, который нес свою и ее корзину.

– Гумбо! Хорошо бы поужинать гумбо! – проговорила она с тихим вздохом.

– Да, это вкусная штука, особенно если положить побольше риса, – ответил мальчик. – Мамочка угостит и тебя, если придешь к нам!

– Не могу, Филипп! Папá будет очень сердиться; он ни к кому не позволяет мне ходить, да и к нему никто не ходит.

– Это потому, что у него нет денег и ему не удается продать свои статуэтки, – не без раздражения прервал мальчик. – Будь у него друзья, вы не голодали бы!

– Бедный папá, – вздохнула девочка, – он так болен и несчастен! Он плакал, укладывая «Квазимодо» в корзину; он говорит, что это лучшая из его статуэток, что это произведение искусства и стоит больших денег.

– Произведение искусства! – пренебрежительно повторил мальчик. – Квазимодо и в половину так не хорош, как Эсмеральда с козой! Он – уродливое чудище!

¹ Гумбо – блюдо американской кухни, представляет собой густой суп со специями, похожий на рагу.

– Да ведь Квазимodo и был такой! – живо возразила девочка. – Папá много читал мне о нем: он был звонарем при соборе Парижской Богоматери.

– О, я знаю! Ты рассказывала мне, разве не помнишь? Но Эсмеральда мне больше по душе! Вот увидишь, «Эсмеральду» у тебя купят первым делом!

– И я так думаю. Бедный папá объявил, что нынче я обязана продать хоть что-нибудь! Если мне это не удастся, Филипп, я уверена, он будет опять всю ночь шагать по комнате.

– В таком случае поспеши! – вскричал Филипп, ускоряя шаг. – Если Толстая Селина там, она поможет нам найти покупателя; а ведь она обещала нынче быть.

Глава II Толстая Селина

– О, да Толстая Селина здесь! – радостно воскликнул Филипп, когда они приблизились к зданию Государственного банка, недалеко от улицы Канала. – Она стоит опять за своей стойкой.

– Да, она здесь! – воскликнула и Дея, бросившись бежать к толстой, улыбающейся во весь рот негритянке в большом белом переднике, стоявшей у стойки под навесом здания.

– Ах, золотая моя, – забормотала та, заключая девочку в объятия. – Милые мои! Как я рада видеть вас! И мистер Филипп здесь! Как вы выросли за то время, пока меня не было!

– А вы-то похудели, Селина, – заметил Филипп, и искорки смеха засверкали в его голубых глазах. – Вы спустили-таки жир в деревне на свадьбе вашей сестрицы!

– Нет, вы только послушайте этого мальчишку! Неужто я исхудала, мадемуазель Дея? – И Селина самодовольно посмотрела на свои пышные бока, разглаживая накрахмаленный передник. – Что же вы поделывали, детки, без меня? А как поживает твой бедный папá, барышня?

– Ему очень плохо, Селина, – у него совсем пропал сон! – ответила со вздохом Дея.

– Ах, золото мое, как мне тяжко слышать такие грустные вести, – соболезновала Селина. – Продала ли ты хоть что-нибудь из твоих штучек за то время, что я ездила на свадьбу?

– Нет, Селина, ни одной! Бедный папá сделал уже и «Квазимодо». Я принесла его нынче; хочу продать за пять долларов.

– Продадим, продадим, золотко! Но если хочешь торговаться, то надо поставить «Квазимодо» на видное место, чтобы прохожие видели его: нельзя же держать фигурку в корзине под бумагой. Я отведу тебе место на моей стойке. – Толстая Селина стала отодвигать вазы с фруктами и пирожными, и ласковая улыбка не сходила с ее лица.

– А пыль, Селина! Папá не любит, когда его статуэтки запылены.

– О пыли и не думай, деточка, – ее сдует ветром. Нам нужны деньги, а я чувствую, что ты продашь этого бедного горбунчика. – И Селина с сомнением глядела на «произведение искусства», которое Дея достала из-под бумаги и устанавливала в стороне от груды пирожных.

– А вот малютка с козой очень, очень мила; удивляюсь, как ее у тебя не купили!

– Видите ли, Селина, все время, что вас не было, шли дожди и приезжих совсем не видно было на улицах, – сказал Филипп, подходя к стойке и переставляя «Квазимодо» подальше, в тень, падавшую от колонн, украшавших фасад старого банка. – Не будь свадеб и похорон, мамочка не продала бы ни одного цветочка. Я ходил сюда каждый день и за все время не сбыл и дюжины букетиков.

– Это потому, что не было моей стойки для твоих цветов, мистер Филипп. Таких крохотных человечков никто не замечает. Только у такой старухи, как я, могут быть покупатели, – говорила Селина, покачивая бедрами.

В то же время она размещала на стойке цветы Филиппа, обрызгав их водой из кружки.

– А эта бедная собака! Она тоже понимает, что я вернулась: заняла свое постоянное место под стойкой. Взгляните только на эту бедную тварь! Она чувствует себя как дома!

– Да, Гомо рад вашему возвращению, Селина, не меньше нашего, – ответил Филипп, наклоняясь над стойкой и улыбаясь Селине. – Я не знаю, кому из нас больше не хватало вас. Думаю, что Дея.

– Бедное дитя! – И добрая женщина нежно посмотрела на девочку. – Я постоянно вспоминала вас обоих и так рада, что вернулась! Эге, да твой шарф, как видно, не стирался с тех пор, как я уехала, золотая моя? Оставь его, и утром я принесу его чистым. А поглядите-ка, что у меня в корзине припасено вам на ужин! – продолжала Селина, делая гримасу Филиппу

и вытаскивая узелок из чистой салфетки. – Я привезла из деревни мучные хлебцы и кружок сыру, который так любит твой бедный папа! А посмотрите-ка сюда, детки, – вот вам кусок свадебного пирога! Отличный пирог! Сестра большая мастерица печь – научилась у своей старой барыни! Ну, видели вы когда такой чудесный пирог?

– О, Селина, какой дивный пирог! – вскричали дети в один голос. – И сколько на нем сахару!

– Ну-ка, съешьте сейчас по кусочку, – предложила Селина, протягивая детям по изрядному куску пирога. – А это вот для твоего папы, маленькая моя, и для твоей мамочки, мистер Филипп!

– Ах, Селина, вы ужасно добрая! – воскликнул мальчик, набивая рот. – Я и то говорил Де, что вы привезете нам из деревни гостинца!

– Можно мне оставить половину на завтра, Селина? – спросила Дея, медленно прожевав часть своей порции.

– Конечно, дитя мое, можно, если тебе этого хочется; бери же узелок и клади в корзину. Это будет тебе на ужин!

Дрожащими руками взяла Дея узелок, и глаза ее сия ли, когда она говорила:

– О, Селина, как вы добры! Бедный папа будет так рад.

– Знаю, золото, знаю; вот увидишь, я продам нынче для твоего папа хоть одну фигурку, не будь я Селиной: меня знают в этих местах давно, с самой войны! Мой старый господин был директором банка. Видите ли, детки, до войны в этом банке была куча денег, – так вот он и позволил мне поставить здесь стойку и сказал: «Селина, ты здесь разбогатеешь!» Положим, я не разбогатела, но малую толику сколотила и вполне могу сделать кое-что для тебя, золото. У тебя нет мамы, крошка, уж я тебе как-нибудь помогу продать твои фигурки! Ты устала и совсем сонная, дитя; садись на мой стул и вздремни здесь в тени, а я буду высматривать покупателей.

Дея не ждала вторичного приглашения. Ее голова немилосердно болела, веки отяжелели от ночного бдения, и девочка не замедлила расположиться в необъятной тени Толстой Селины; уткнувшись бледным личиком в белый передник доброй женщины, она уснула так же безмятежно, как и собака, прикорнувшая у ее ног. А Филипп, усевшись у подножия массивной колонны, болтая ногами и тихо насвистывая, стал поджидать покупателей, о появлении которых Селина говорила с такой уверенностью.

Глава III

Как они познакомились

Лет за десять-двенадцать до начала этой истории, когда Толстая Селина только заняла стойку под кровлей Государственного банка, это прекрасное здание имело другое назначение. Об этом говорили большие буквы, высеченные на каменном фасаде, но гражданская война между Северными и Южными Американскими Штатами и неудачные финансовые операции подорвали торговлю в крае; старое здание утратило былую горделивость и стало приютом плохонького театра и разных увеселительных зрелиц. На массивных колоннах теперь висели громадные разноцветные афиши, покрытые забавными изображениями танцующих собак, китайских фокусников и карикатурами, намалеванными яркими красками, чтобы привлекать внимание простолюдинов. Там, где когда-то важно расхаживали коммерсанты в черных сюртуках, теперь ротозейничала разношерстная толпа; читая афиши и рассматривая картинки, зеваки размахивали руками, гоготали и подталкивали друг друга локтями. Среди них встречались и представители более зажиточного класса: они-то, проходя мимо Селины, и останавливались у стойки выпить стакан холодного лимонаду или полакомиться свежим пирожком, засахаренным миндалем и другими сладостями. Кроме сладостей в корзинке под чистой салфеткой всегда лежали превкусные бутерброды и белоснежные пирожные, посыпанные сахаром. В прежние годы для служащих банка было обычным делом наскоро позавтракать у Селины и запить завтрак стаканом отличного лимонаду. Теперь у нее были покупатели иного рода: высокое качество товаров оставалось прежним, а покупателями стали завсегдатаи театра. Так понемногу она даже сколотила небольшой капитал.

Два или три года назад, когда Филипп впервые появился на Королевской улице со своим лотком, Селина обратила внимание на милое личико мальчика, который, проходя мимо, не мог оторвать глаз от соблазнительных товаров. Ему тогда было не более шести лет; веселый смех мальчика и милая болтовня сразу покорили сердце Селины. С первого же дня она взяла Филиппа под свое покровительство, и свежие, благоухающие цветы мальчика всегда находили тенистый уголок на ее стойке.

Вскоре после первого знакомства Селины с Филиппом он явился к ней с бледной девочкой, у которой были печальные глаза, в черном поношенном платье; она несла корзину, где лежало несколько изящных восковых статуэток. Мальчик, не колеблясь, подвел своего нового друга к Толстой Селине, заранее уверенный, что добрая женщина приласкает бедную девочку, как некогда приласкала его. И он не ошибся: Селина по-матерински пригрела девочку.

— Я всегда больше любила маленьких девочек. Мальчики тоже славные ребята, но они вечно шалят, и с ними трудно справиться, — говорила Селина, боясь обидеть Филиппа и возбудить в нем ревность своим пристрастием к Дее.

Филипп впервые встретил Дею на улице Урсулин. Она в ту минуту была очень взволнована: какая-то здоровенная, откормленная собака напала на Гомо, голодного и слабого. И хотя старый пес сражался храбро, его почти подмял неприятель, когда появился Филипп и так огрел ожиревшего бульдога палкой, что тот пустился наутек и долго не мог опомниться. Гомо же побежал домой в сопровождении девочки, которая в испуге забыла свою корзину на скамье. Филипп, загнав бульдога в ближайший двор и закрыв ворота, взял оставленную девочкой корзину и побежал вслед за ней. Бедная крошка! Она перепугалась и еле переводила дух, но все же остановилась и стала благодарить своего избавителя, еле сдерживая рыдания и крепко держась дрожащими руками за ошейник собаки.

— Это не Гомо виноват, — объясняла она на беглом французском наречии. — Чужая собака начала драку! Гомо стар и слабосилен, но он очень самолюбив и не мог снести обиды. Та собака нагрубила Гомо, и он не мог оставить это безнаказанным.

— Я знаю, — сказал Филипп. — Я не виню твою собаку: она не могла уступить этому гру比亚ну!

Непрятворное участие Филиппа и признание за Гомо права на собственное достоинство сразу вызвали доверие девочки, и с этого дня они стали большими друзьями. Дея была очень молчалива, и Филипп, с присущей ему деликатностью, не задавал лишних вопросов. Но от немногословной девочки он узнал, что она живет на улице Виллере, что мать ее умерла, что отец — скульптор по воску, и что он-то и лепит изящные статуэтки, которые она носит для продажи.

— Бедный папа постоянно болен, — рассказывала девочка грустным нежным голоском. — Головная боль мучает его, и он не может спать по ночам. С тех пор как умерла мама, он никого из посторонних не видел и никогда не выходит днем; он говорит, что свет беспокоит его. По вечерам он иногда уходит и подолгу не возвращается. Я не знаю, где он бывает, но думаю, что он сидит у маминой могилы на кладбище.

Беззаботное лицико Филиппа затуманилось, и он чуть не заплакал вместе с девочкой, но поборол слабость и решительно проговорил:

— Пойдем со мной на Королевскую улицу, тебе там больше повезет! У меня там есть приятельница, у которой своя стойка; ее зовут Толстая Селина — она поможет тебе продать статуэтки!

Дея с благодарностью приняла приглашение. И вот, покорив с первой минуты сердце Селины, она обрела в ней верного друга, по-разному выражавшего свою любовь и преданность.

Каждый день, в дождь и в ясную погоду, рядом с Селиной можно было видеть миловидного мальчика и девочку с грустным лицом, между тем как их товары размещались на видном месте на столике, под которым крепко спал Гомо, — измученное животное нашло, наконец, мирный и надежный приют.

Для Деи и Филиппа настали черные дни, когда Селина уехала на несколько недель в деревню на свадьбу к своей чернокожей родственнице. Теперь она возвратилась, чем очень обрадовала детей.

Глава IV Лилибель

Маленькая Дея безмятежно спала под надежной сенью Селины, а Филипп весело насвистывал, чувствуя, что он снял с себя нелегкое бремя, возложив его на более сильные плечи. И в то время как Дея спала, а Филипп насвистывал, Селина тоже дремала на свежем весеннем воздухе, вяло помахивая пучком павлиньих перьев – отгоняя мух. Это делалось машинально, независимо от того, спала она или бодрствовала, – так она держала на расстоянии воришек, привлекаемых лакомствами, и надоедливых насекомых. В то время как перья опахала развеивались в определенном ритме, Селина витала где-то далеко от земли, в царстве грез.

В этот день она дремала с полузакрытymi глазами, так как боялась пропустить покупателя, которого привлекут фигурки Эсмеральды или Квазимodo. «Уж давно бы приезжим пора показаться на улице, – говорила она сама с собой. – Я знаю среди них такого, который наверняка купит эти штучки!»

Вдруг глаза ее широко раскрылись, она вскочила с сиденья и устремила взгляд вдоль улицы Канала.

– Не будь я Селина, это Лилибель! И чего этот мальчишка явился так рано? Ведь я послала его на берег и не велела возвращаться, пока он не продаст товар!

Филипп перестал свистеть и с удивлением смотрел на Лилибеля, который медленно, нерешительно приближался. Это был темнокожий карапуз, черный и блестящий, как начищенный сапог, с огромными белками выпуклых глаз и сверкающими зубами. Его черные волосы торчали, словно застыли в вечном испуге, а широкий рот чуть не до ушей был растянут в веселой заразительной улыбке. И весь он был круглый и плотный, большие ступни коротких, искривленных ног выглядели совершенно квадратными. Лишь одна изодранная подтяжка, перекинутая через грязную рваную рубашку, поддерживала испачканные панталоны, рваные штанины которых были засучены до самых бедер. Все это придавало мальчику скорее вид пугала, чем человека, и если бы не вращающиеся белки глаз и не широкая улыбка, Лилибель ввел бы в заблуждение самую старую и опытную ворону на ржаном поле.

– Ну, посмотрите-ка на этого мальчишку: на кого он похож?! – закричала Селина пронзительным голосом, рассчитанным специально на Лилибеля. – Я отпустила его из дома чистеньким, как куколка, а теперь, не угодно ли, он весь грязный и ободранный, как поросенок! Наверное, шатался по берегу с такими же сорванцами, как сам. Подойди-ка сюда! – И она угрожающе протянула вперед руку, от которой Лилибель ловко увернулся. – Ступай сюда, говорят тебе, – изувечь!

Лилибель, не обращая внимания на страшную угрозу матери, ловко держался на почтительном расстоянии от нее, пока не спрятался за колонной, где сидел Филипп. Филипп ходил, несмотря на гнев Селины, а из-за него, из безопасного убежища, выглядывал маленький плут, лукаво улыбаясь.

– Подойдешь ли ты ко мне? – кричала Селина, вне себя от гнева. – Попадись только мне в руки! – И она вскочила с такой стремительностью, что уронила в кувшин с лимонадом опахало, опрокинув заодно и Дею; та тоже вскочила в испуге, ошеломленная. Даже Гомо поднялся, но, спокойно втянув ноздрями воздух, вернулся в свой угол и улегся снова. Он не тревожился – подобные сцены между Селиной и Лилибелем были обычным явлением.

– Подойдешь ли ты ко мне? – кричала Селина, вне себя от гнева. – Попадись только мне в руки!

– Слышишь ты, что тебе говорят? Подойди ко мне и расскажи, куда ты девал корзину! – И, перегнувшись через стойку в неудержимом стремлении схватить виновного, Селина чуть не разбила вдребезги фигурку Квазимода, опрокинув по пути целую вазу с цукатами на тротуар.

Лилибель не удержался от соблазна и стал подбирать рассыпавшиеся сладости, что позволило матери схватить его, наконец, за шиворот и потащить на строгий и беспощадный суд.

Попав в плен без надежды на освобождение, Лилибель мгновенно состроил гримасу оскорблённой невинности и, часто моргая, начал рассказывать очередную историю – будто он упал в реку и его еле вытащили.

– А где ж твоя корзина? Куда ты девал корзину? – визжала Селина, тряся Лилибеля с такой силой, что он казался ворохом лохмотьев, развеваемых ветром.

– Она пошла ко дну, – хныкал Лилибель, вращая глазами и всхлипывая.

– Пошла ко дну, – медленно повторила Селина. – Смотри, дитя, правда ли это? Ты знаешь, я не люблю лгунишек! Я сломаю на тебе вот эту самую палку нынче же вечером, если окажется, что ты соврал!

– Это так же верно, ма, как то, что я стою перед тобой, – храбро уверял Лилибель. – Я уронил ее в воду.

– Как же ты уронил ее в воду? Расскажи, как ты попал к реке? – И Селина подкрепила свои вопросы новой встряской, от которой у Лилибеля застучали зубы и струйки воды потекли с его лохмочьев на белый передник матери.

– Вот как это случилось, – бормотал Лилибель, спеша объясняться. – Я был на берегу – там крючники грузили уголь на большой пароход; только что собрался я разложить пирожные, как громадный детина налетел на меня и столкнул в воду! О, ма, я чуть не утонул, я был совсем мертвый! – с плачем говорил Лилибель, расчувствовавшись от собственных слов. – Я спасся только по милости одного крючника: он зацепил меня и вытащил.

– Не думаю, чтобы это была правда, Лилибель, – проговорила Селина с сомнением, слегка разжимая пальцы.

– Верно, ма, это так!

И Лилибель для большей убедительности вращал глазами и выделявал губами разнообразные гримасы; но Селина не выпускала его из рук и испытующе смотрела.

– Нельзя тебе верить, Лилибель. Я сейчас узнаю, падал ли ты в воду и уронил ли корзину в реку, – внушительно продолжала Селина. – Но если ты и сказал правду, то в твоей корзине оставалось немного пирожных, когда ты уронил ее: твое брюхо туго-претуго набито ими. Негодный, мерзкий мальчишка! Тебе это с рук не сойдет. А пока убирайся прочь с моих глаз и ложись вон там, возле собаки: это самое подходящее для тебя место!

И, звонко шлепнув сына, Селина затолкала его под стол, к Гомо, где мальчуган и расположился, радостно хихикая и прислоняясь головой к собаке; через несколько мгновений маленький пройдоха спал так же крепко и безмятежно, как его четвероногий сосед.

– Теперь ты видишь, Филипп, какое это сокровище, – обратилась Селина к Филиппу, ожидая от него сочувствия. – Тут и сомневаться нечего! Он, наверное, сам слопал все цукаты и пирожные, а корзину выбросил! Бог мой, да он совсем разорит меня, если я буду посыпать его с товаром. И в кого он уродился, такой озорник? – продолжала Селина задумчиво. – А я еще дала ему имя в память его покойных сестренок, двух прелестнейших малюток, каких только видел свет; они были такие же милые и добрые, как барышня Дея. Я всегда говорю: девочки – счастье, а мальчишки – беда!

– Селина, да ведь и я мальчик, – прервал Филипп. – Разве я тоже так плох?

– Нет, нет, золотой мой, ты очень славный мальчик; но вы, белые, совсем другое дело, и мальчики у вас другие.

– Подумайте только, Селина, ведь Лилибель мог утонуть, – кратко промолвила Дея. – Как бы вы тогда горевали!

– Этот мальчик да утонет?! Ну, нет, дитя мое! Я боюсь, он взлетит когда-нибудь на виселицу. Как ни возись с ним, хорошее к нему не пристает. Немало горя я от него натерпелась!..

С этими словами Селина привела в порядок стойку и поставила «Квазимодо» на прежнее место. Несмотря на неожиданную перепалку с Лилибелем, она не теряла надежды найти покупателя.

– И где это путешественник, который часто приходит сюда за цветами и цукатами! Если б он только пришел, он, наверное, купил бы твои фигурки! Он художник и живет в верхнем этаже вон того большого дома по Королевской улице; он родом с севера и очень, очень богат!

Бледное лицико Деи засветилось надеждой и ожиданием. Выпрямившись, она сидела рядом с Селиной и следила за прохожими, между тем как Филипп, стоя на краю тротуара, нетерпеливо посвистывал, разглядывая публику, шедшую по противоположной стороне улицы.

Глава V

Дея продает «Квазимодо»

Художник с севера, «очень, очень богатый», как сказала Селина, часто останавливался у ее стойки, чтобы купить горсть орехов в меду или вкусные пирожные; каждый раз, подходя к прилавку, он окидывал взглядом детей, и не одна монетка попала от него Филиппу в обмен на душистую оливковую ветвь или букет фиалок.

Он действительно был художник – Эдуард Эйнсворт, известный в Нью-Йорке; что касается его богатства, то это было лишь предположение Селины, основанное отчасти на том, что Эдуард Эйнсворт – не здешний, главным же образом – что он почти ежедневно покупал цветы. А кто же, кроме богачей, станет это делать?

В этот день Селина в нетерпеливом ожидании увидела его первой, и ей показалось, что художник собирается пройти мимо. Но нет, он остановился, наклонился над стойкой и погрузил лицо в благоухающие цветы.

– Какой аромат! Очарование! – прошептал он.

Затем выбрал ветку оливы и фиалки, не спуская глаз с Филиппа и Деи, устремившей на него большие глаза.

В это время на лице Селины появилась пленительнейшая из ее улыбок, и когда покупатель положил на стол деньги за покупки, она промолвила своим приятным, задушевным голосом:

– Свежие, сэр, свежие! Не возьмете ли и пирожных?

– Непременно. Благодарю вас, – ответил художник, не спуская глаз с детей.

– Если позволите, сэр, я покажу вам прелюбопытную штучку! – И Селина с осторожностью взяла фигурку Квазимодо; Дея побледнела от волнения, а в глазах Филиппа зажглись беспокойные огоньки. Это была минута высшего напряжения.

Художник просиял. Он отложил цветы, сверток с покупками и, взяв статуэтку в руки, почти с благоговением стал внимательно разглядывать ее со всех сторон.

– Кто это сделал? – спросил он, глядя то на одного, то на другого из детей.

– Мой папá, – ответила Дея, набравшись храбрости.

– Твой папá? Да он гений! Работа сделана артистически. Как зовут твоего отца и где он живет?

Дея потупила голову и ничего не отвечала. Художник вопросительно посмотрел на Селину.

– Ее бедный папá хворает, – ответила она, многозначительно указав на свой лоб. – Он не желает никого видеть. Она, – и Селина указала на девочку, – никогда не говорит посторонним, где они живут.

– О, я понимаю! – прошептал художник. – Хорошо, дитя мое, – ласково обратился он к Деи. – Не можешь ли ты сказать мне, кого изображает эта фигура?

– Это Квазимодо.

– Именно так! Бесподобно, бесподобно! Но какой странный сюжет! – И снова он вертел статуэтку в руках и рассматривал ее.

– Ты его продаешь? – спросил он наконец.

– О, да, сэр! – с живостью воскликнула Дея. – Если вы только купите его, бедный папá так обрадуется; он объявил мне, что я должна продать его сегодня во что бы то ни стало.

– Сколько же ты требуешь за него?

— Папá велел продать его за пять долларов. Разве пять долларов много? — смутилась бедная девочка. — Папá сказал, что это произведение искусства, но если вы находите, что это очень много...

— Это и есть произведение искусства, — прервал ее художник, засовывая руку в карман и доставая бумажник.

Глаза Дей сверкнули было, но затем наполнились слезами.

— Не можешь ли ты сказать мне, дитя, сколько времени лепил твой отец эту статуэтку? — спросил он, держа бумажник в руках.

— О, долго, сэр! Я не могу сказать в точности, как долго, потому что папá работает по ночам, когда я сплю.

— А, он работает по ночам! А ты много продала статуэток?

— Нет, сэр, я уж давно не продавала ни одной.

— Она не продала ни единой штучки с самой Масленицы, — вмешался Филипп, весь превратившийся в любопытство. — Один путешественник купил статуэтку, но дал за нее всего три доллара.

— Ты брат ее? — спросил художник, улыбаясь Филиппу.

— О, нет, сэр, мы не родственники, — ответил мальчик. — Она только мой друг. Она маленькая, и я забочусь о ней и стараюсь ей помочь, чем могу...

Говоря это, мальчик поднял на художника глаза, и в их голубой глубине сиял такой мягкий свет, что сердце художника дрогнуло от какого-то смутного нежного воспоминания.

«Как он похож на него, — подумал он, — тот же взгляд, та же улыбка и почти тот же возраст! Я уверен, и Лауре это бросится в глаза... Надо показать ей его!»

На мгновение он забыл, где находится; воспоминание детства слилось с недавним горем. Босоногий мальчик, срывавший в обмелевшем пруду водяные лилии; мальчик, стоявший возле него и следивший любящим взором за каждым движением его кисти, и мальчик, находившийся сейчас перед ним, — казались ему одним и тем же лицом. Сильное волнение стерло все из памяти художника, и он застыл в безмолвии, устремив глаза на Филиппа. Очнувшись, словно от сна, он заговорил, и в голосе его дрожали новые нежные нотки:

— Какой ты добный мальчуган! Счастье, что у нее такой друг. Как тебя зовут, голубчик? Я хочу поближе познакомиться с тобой.

Мальчик покраснел от удовольствия и быстро ответил:

— Меня зовут Филиппом, сэр!

— Филипп, — повторил, как эхо, художник. — Не странно ли!.. А как твоя фамилия?

— О, меня все зовут «Филиппом Туанетты», я никогда не интересовался своей фамилией.

Я спрошу сегодня мамочку, есть ли у меня фамилия.

— Туанетта — твоя мать?

— Нет, сэр, она моя няня. Она темнолицая, а я, как видите, белый.

— Ты всегда жил с Туанеттой?

— Всегда, сколько себя помню.

— Стало быть, у тебя нет родителей?

— Родителей? Нет. Не знаю... Я спрошу мамочку!

— Где вы живете?

— Я живу на улице Урсулин, за городом. Мамочка там развела сад и продаёт цветы. У нас чудный сад! Не придетели вы посмотреть? Мамочка гордится своим садом и любит показывать его гостям!

— Спасибо, обязательно приду, — ответил художник. — Я очень люблю цветы, а еще люблю картины. А ты их тоже любишь?.. — я говорю о картинах... Я думаю, ты мало их видел!

— О, множество! Я их очень люблю. Я видел их в церкви, в витринах и... пробовал рисовать сам, — прибавил Филипп, понизив голос и слегка покраснев.

— Отлично, мой мальчик; я художник. Я рисую картины. Хочешь взглянуть на мои работы?

— Очень, сэр, — если только мамочка позволит... Я отпрошусь у нее и приду завтра же!

— Мне хотелось бы, чтоб ты пришел со своей подругой. Я хочу написать с нее картину. — И художник опять внимательно посмотрел на взволнованное лицо девочки, нетерпеливо глядевшей на деньги, мелькавшие у него в руках.

— Пойдешь со мной, Дея? — спросил Филипп.

— Я не могу: я должна еще продать «Эсмеральду», — ответила девочка.

Художник с улыбкой посмотрел на детей.

— Итак, у тебя есть еще «Эсмеральда», а тебя зовут Дея? Где же Гомо, волк?

— Гомо спит; но он не волк, а только волкодав...

В это мгновение Гомо, услыхав свое имя, вышел из-под стола и стал обнюхивать незнакомца, который ласково погладил его по голове. И старый пес, одобрительно помахивая хвостом, вернулся на свое место возле Лилибеля.

«Право, — думал художник с удивлением, — это прелюбопытно! И дитя и собака словно только что сошли со страниц Виктора Гюго!»

В это время Селина за спиной Деи жестами показывала, что скульптор по воску немного помешан на великом французском писателе, и художник понял: бедный больной человек, — болен и душевно, — с ребенком на руках, который для него и подруга, и товарищ.

Поразмыслив, художник ласково сказал:

— Дитя мое, если ты согласишься ходить ко мне в мастерскую, то будешь получать за это плату, а статуэтки твои я буду покупать и впредь. Я недолго задержу тебя, и это будет лучше, чем простоявать целые дни на улице.

— Да, сокровище мое, ты так и сделаешь! — вмешалась Селина. — Ты поняла? Господин художник будет платить тебе, и у тебя будет вдоволь денег для твоего бедного папы!

Дея подумала и нерешительно отвечала:

— Боюсь, что папа это не понравится. Я спрошу его, но сейчас я должна идти домой; мне непременно нужно бежать скорей к папа.

— Дея не может решиться сейчас, — вставил, словно извиняясь за нее, Филипп, — но завтра она, пожалуй, придет. Я постараюсь привести ее, сэр!

— Спасибо. Я живу вон в том большом доме, напротив. Спроси сапожника во дворе, и он покажет тебе дорогу в мастерскую Эйнсворта. — Художник, продолжая разговаривать с Филиппом, протянул пятидолларовую монету Деи.

— О, сэр, я так рада! Я постараюсь прийти; когда папа узнает, как вы добры, может быть, он позволит мне пойти. Можно принести и «Эсмеральду»? Вы ее купите?

— Да, я куплю «Эсмеральду», — ответил художник с улыбкой. — Ты найдешь во мне хорошего покупателя, если будешь носить свои статуэтки в мою мастерскую.

— Я приду завтра, приду! — воскликнула девочка решительно. — Теперь, Селина, дайте мне мою корзину. Я побегу скорей к папа.

— Не волнуйся так, сокровище мое, не волнуйся, — успокаивала ее Селина, протягивая корзину, — и не беги, не то у тебя заболит голова и ты не сможешь приготовить обед для твоего папы.

— Я должна, должна бежать, Селина! — воскликнула Дея. — До свидания, сэр! До свидания, Филипп! — И со счастливой улыбкой она выскочила из-за стойки и побежала по Королевской улице в сопровождении Гомо. Казалось, умная собака понимала состояние своей маленькой хозяйки, потому что была теперь так же резва и подвижна, как раньше — безжизненна и вяла.

— О, сэр, какое вы сделали доброе дело, купив эту фигурку! — благодарила художника Селина, глядя вслед Деи. — Бедное дитя, она так обрадовалась, что не могла устоять на месте, как видите, побежала к отцу: он еще не завтракал нынче.

– И вчера не ужинал, – добавил Филипп. – Дея очень скрытна, – но я всегда знаю, когда им нечего есть.

– Как? Возможно ли это? Нечего есть! Неужели они так бедны? – воскликнул художник. – И никого нет, кто бы о них позаботился?

– У них нет никого, – ответил Филипп. – Они приехали сюда из Франции, когда Дея была еще малюткой; мать ее вскоре умерла, а отец болен с той самой поры.

– И этой бедной крошке приходится заботиться о нем! – вздохнула Селина. – О, сэр, покупайте почаше у этой маленькой сиротки!

– Непременно, непременно! Я подумаю, не удастся ли мне прийти к ним на помощь, – задушевно промолвил художник. – Я поговорю с моими друзьями. Приведи ее ко мне, Филипп, и я соображу, что можно сделать. – И, попрощавшись, он ушел, осторожно прижимая к себе фигурку Квазимодо.

Филипп провожал художника восхищенным взглядом, пока его высокая фигура не скрылась во дворе ближайшего дома. Затем Филипп повернулся к Селине и сказал серьезно:

– Никогда бы я не подумал, что художник, рисующий картины, станет разговаривать с нами! Я ни капельки не боялся его! Знаете что? Я непременно пойду к нему и попрошу научить меня рисовать!

– Он так богат! Он часто будет покупать статуэтки! – повторила Селина с нескрываемым восторгом.

Глава VI Туанетта

Много лет назад, когда красивые здания еще были большой редкостью во французском квартале Нового Орлеана, креолы² Урсулинской улицы очень гордились домом Детрава. Это был большой белый дом, с расписными колоннами и большими прохладными верандами, совершенно скрытыми от улицы. Вокруг дома тянулись лужайки и аллеи из роз; от любопытных взоров соседей их укрывал высокий кирпичный забор с розовой штукатуркой. По обе стороны больших железных ворот возвышались массивные колонны, поддерживающие фигуры отдыхающих львов. В лапах каждого льва красовалось по заржавленному пушечному ядру, которые привез с поля битвы при Чалметте генерал Детрава; он и построил этот красивый дом.

Многие годы двери дома Детрава были гостеприимно раскрыты, и не одна пожилая дама вспоминала свой первый бал у Детрава. Одно поколение сменялось другим, и малопомалу обитатели дома Детрава уходили из жизни; остался последний представитель этого рода, Шарль Детрава, богатый владелец сахарных плантаций, который предпочитал жить в деревне.

Долгие годы дом Детрава стоял заколоченным, был необитаем; но однажды зимой его вновь открыли по торжественному случаю – в связи с первым выездом в свет единственной дочери владельца, прелестной Эстеллы Детрава, только что возвратившейся из доминиканского монастыря, где она воспитывалась. Этот праздник навсегда запомнили те, кому выпало счастье попасть на него. Это была последняя зима перед гражданской войной, едва ли не последний веселый сезон, после которого наступили годы страданий и разорения.

Одним из первых добровольцев армии Конфедерации³ был Шарль Детрава. Он ушел со своим полком, чтобы больше не вернуться, оставив жену и дочь в уединении деревенского дома. Вскоре после отъезда мужа госпожа Детрава умерла, и Эстелла осталась одна, если не считать нескольких родственников, которые жили во Франции и с которыми она никогда не виделась. Затем пронесся слух о ее замужестве, но за кого она вышла замуж – никто не знал. В то трудное время мало кто о ней думал, и когда на Урсулинской улице вспыхнул пожар, уничтоживший прекрасный дом Де-трава, все были потрясены, узнав, что в пламени погибли молодая мать с ребенком и няня. Ранее никому не приходило в голову, что в доме жили люди и что Эстелла Детрава, потеряв мужа в схватке неподалеку от их плантации, бежала под кров заброшенного городского дома. Она приехала сюда с ребенком и няней накануне пожара, и только один или два торговца, знавшие о ее приезде, поведали о гибели целой семьи.

Думалось, что среди всеобщего несчастья и разорения погибла целая семья, рухнул и прекрасный старый дом, от которого остались жалкие развалины, обломки колонн да торчащие трубы. Но вскоре природа – великий художник – разукрасила развалины, покрыв их густым ковром цветов и кустов; любопытные, которые заглядывали через железные ворота, видели пышную зелень и извилистые тропинки, теряющиеся в ней.

Весной питтоспорум⁴, за которым некогда так тщательно ухаживали, протянул белые, усыпанные цветами ветви через ограду, а непокорная виноградная лоза обвila ворота и почти скрыла светлую доску, на которой черными буквами было написано: «Продается или сдается внаем». Прошло немало солнечных и дождливых дней, но никто не являлся с желанием снять флигелек, стоявший позади дома и уцелевший от пожара; не находилось желающих и приоб-

² Креолы – потомки от смешанных браков индейцев с белыми.

³ Армия Южных штатов в войне между Севером и Югом.

⁴ Питтоспорум – кустовидное дерево с ароматными цветами.

рести усадьбу, перешедшую теперь к новому владельцу, одному из бывших родственников Детрава, живших во Франции.

Время шло, и с каждым годом заброшенная усадьба все больше приходила в запустение. Живописные лужайки и цветники заросли сорной травой, кусты превратились в деревья, ветви вьющихся роз и жасмина торчали во все стороны, обвивали все, что только можно было обвить; во мраке густой листвы бесчисленные птицы вили гнезда и выводили птенцов. Старый сад был еще очень хорош, но мрачная туча постоянно висела над ним: воспоминание о страшной драме той роковой ночи. В окрестностях стали ходить нелепые слухи, и местные жители решили, что старые мрачные ворота и угрюмые львы хранят некую страшную тайну. Казалось, ни у кого не хватит духу поселиться в этом уединенном и пустынном месте, в уютном коттедже, который в дни былого величия предназначался для прислуги.

Но однажды соседи увидели немолодую, прилично одетую мулатку, которая за руку вела прелестного белого ребенка; они медленно шли по улице и остановились у ворот усадьбы Детрава. Женщина была невысокого роста, миловидная, в простом черном платье, с белой косынкой на седых волосах; ребенок, одетый просто, но чисто, выглядел беленьким и свежим, как лилия. Долго стояла женщина, прижав лицо к решетке ворот, и когда она, наконец, оторвалась и медленно отошла от дома, на ее щеках видны были слезы.

Долго стояла женщина, прижав лицо к решетке ворот.

Через несколько дней жилец из дома напротив заметил струйку дыма, поднимавшегося из трубы коттеджа; как видно, в усадьбе Детрава появились жильцы. Старая дощечка исчезла, и на ее месте висела другая – с надписью: «Цветы для похорон и свадеб и цветочная рассада. Продаются по самым сходным ценам».

Прошло время, прежде чем любопытство соседей было удовлетворено. Когда же они узнали, что новая жилица – та самая мулатка, что недавно подходила к воротам, все были удивлены и разочарованы. Несмотря на старания, соседи могли только узнать, что женщину зовут Туанетта, что она очень искусный садовод и что она нянька и опекунша белого мальчика, которого зовут Филиппом. Туанетту видели очень редко – только тогда, когда она входила и выходила из ворот; ребенка можно было увидеть лишь случайно, когда он бегал по тенистым дорожкам среди громадных дубов и магнолий и по временам прижался круглым розовым личиком к железной решетке ворот и смотрел на узкую пыльную улицу.

Маленькие креолы с улицы всячески пытались побороть его застенчивость, но их усилия были напрасны: при первом их приближении он убегал, прятался в кусты или в чащу винограда, откуда не выходил.

Это был здоровый жизнерадостный ребенок; он обожал цветы и птиц; все бессловесные твари питали к нему огромное доверие. Он был постоянно окружен своими любимцами, и, казалось, между ними происходило какое-то тайное общение. Туанетте иногда казалось, что у них есть условный язык, потому что когда Филипп потихоньку посвистывал, кардиналы и пересмешники⁵ слетались и брали пищу из его рук. Очень рано пытался он рисовать птиц и зверей, и Туанетта купила ему бумаги и ящичек с красками и очень обрадовалась, когда узнала от отца Жозефа, доброго патера⁶, жившего по соседству, что у мальчика есть способности к рисованию.

Когда Туанетта состарилась и не могла более ничему научить Филиппа, она пригласила отца Жозефа заниматься с ним; и каждое утро зимой и летом, в шесть часов, веселый румяный мальчик, запив завтрак молоком, бежал к отцу Жозефу, который в это время неизменно сидел за своим кофе, окруженный книгами.

Филипп любил отца Жозефа, Туанетту – обожал. Не было ничего, что бы она не сделала для него. И он платил ей безграничной любовью.

Когда Филипп немного подрос, он старался помогать ей в меру своих силенок: полол цветы, пересаживал фиалки, собирая опавшие листья и с величайшим терпением вырывал траву из расщелин мостовой.

Когда однажды Туанетта разрешила ему пойти на улицу продавать цветы, он пришел в неописуемый восторг. Мальчику было тогда около шести лет, и он был уже далеко не так застенчив, как в раннем детстве, но всей своей фигуркой ребенок и теперь напоминал маленького лесного зверька, что делало его еще более привлекательным. Может быть, поэтому он и завоевал сразу сердце Селины, впервые очутившись на многолюдной улице.

Обычно по утрам Филипп предлагал цветы чиновникам, которые спешили на службу. У него было много постоянных покупателей, они опускали монету в детскую ручку и за ясную улыбку, ласковое утреннее приветствие мальчика, и за цветы. Распродав цветы, он не ротозейничал, не бродил по улицам, а мчался к Туанетте, счастливый, как жаворонок, и помогал ей в работе, пересаживая фиалки и резеду.

Однажды Филипп рассказал «мамочке» о знакомстве с Деей, и добрая старушка заочно прониклась к маленькой девочке участием и стала давать Филиппу обильный завтрак, которого хватало на двоих. Каждый день, когда мальчик возвращался домой, она первым делом спрашивала его не о том, продал ли он цветы, а удалось ли Деे продать что-нибудь из ее статуэток.

⁵ Кардиналы и пересмешники – птицы, обитающие в Северной Америке.

⁶ Патер – католический священник.

Глава VII

Щекотливый вопрос

В тот день, когда художник купил фигурку Квазимодо, Филипп едва мог дождаться вечера – так ему хотелось рассказать Туанетте об удаче Деи. И как только его лоток опустел, он стрелой помчался по Урсулинской улице, не обращая внимания на заманчивые приглашения соседских мальчуганов поиграть с ними. Филипп был любимцем мальчиков, которые жили на его улице и встречали его с неизменным восторгом.

На углу улицы Треме он увидел мальчишеск, окруживших маленького калеку-негра с тяжелым ведром на голове.

– Опять мальчишки мучают маленького Билля! – воскликнул он, и его голубые глаза засверкали в гневе. – Дайте мне только добраться до них – я им задам.

И спустя мгновение он был в толпе, раздавая удары направо и налево.

– Эй, слушайте, ребята! Оставьте бедного калеку в покое! Как вам не стыдно мучить его? Ну-ка, Билль, дай мне твое ведро, а ты возьми мой лоток. – И, взгромоздив тяжелое ведро себе на голову, он двинулся вперед, сопровождаемый мальчишками.

Филипп вернулся домой весь красный, еле переводя дух от непосильной тяжести, а глаза его блестели от возбуждения.

Туанетта сидела на небольшой веранде, у стола, покрытого белыми цветами. Она приделывала цветы жасмина, вылепленные из воска, к проволочной модели барашка.

– Для кого это, мамочка? – спросил Филипп, опираясь о перила веранды и утирая потное лицо.

– Это для маленького ребенка с улицы Приер; он умер вчера вечером. Но отчего ты так разгорелся, дитя мое? – спросила Туанетта. – Я ведь просила тебя не бегать!

– Я не мог удержаться; я так торопился домой. Хотелось скорей рассказать тебе, что Дея продала «Квазимодо»! – И Филипп, торопясь и задыхаясь, то по-английски, то по-французски рассказал Туанетте о приключениях дня: – Ах, мамочка, он рисует картины там же, где и живет, и просил меня прийти посмотреть. Можно мне пойти к нему завтра?

– Конечно, дитя, можно! – ответила Туанетта, не отрывая глаз от работы. – Можешь идти, и если он научит тебя чему-нибудь, я буду очень рада.

– Он научит; я знаю, что научит! Он очень добрый! Он обещал купить «Эсмеральду», – проговорил уверенным тоном Филипп.

– Я рада за бедную девочку, – продолжала Туанетта, доделывая уши барашка.

– Можно мне поужинать, мамочка? Ужасно я голоден. Ты стряпала гумбо?

– Да, дорогой мой, все готово. Погоди немного, я должна кончить. Скоро придут за барашком. Остались только глаза.

С этими словами Туанетта выбрала темные листки анютиных глазок и искусно вставила их в приготовленные углубления.

– Не правда ли, совсем как живой? – сказала она, поднимая вверх барашка и глядя на него с восхищением. – Он такой беленький.

– Не знаю, – сказал Филипп, критически рассматривая изделие, немного склонив голову набок. – Но я больше люблю живые цветы.

– Не правда ли, совсем как живой? – сказала Туанетта, поднимая вверх барашка и глядя на него с восхищением.

В это время раздался звонок, и Филипп поспешил отворить калитку. Пришла служанка с корзиной за барашком.

– Он понравится барыне, – говорила она, отирая пот на блестящем черном лице, – она еще не знает, что барашек заказан. Это хозяин распорядился.

Туанетта завернула барашка в вощеную бумагу и осторожно уложила сверток в корзину.

– А теперь, дитя мое, – сказала она, когда женщина ушла, поминутно заглядывая в корзину, словно там лежало живое существо, – сбегай, запри калитку, а я накрою ужин.

Туанетта убрала оставшиеся цветы и застелила стол белой скатертью. Затем она отправилась в безукоризненно чистую кухню и принесла оттуда миску с дымящимся гумбо, блюдо разваренного риса, тарелку с бисквитами и кувшин молока.

Пока она собирала ужин, Филипп направился в свою спальню, которая находилась возле их общей комнаты. Проходя через кухню, он залюбовался – как чисто и уютно было здесь!

Стены общей комнаты почти сплошь были увешаны проволочными моделями цветочных украшений для похорон и свадеб. Тут были колокольчики и арфы, короны и звезды, подушки и подковы, полуоткрытые ворота и четырехлистный клевер, барашки и голуби, а между ними висело множество венков из белых бессмертников, на которых выделялись красные надписи: «Моему сыну», «Моей матери», «Молитесь за нас» и другие. Креолы часто покупали такие венки, и поэтому Туанетта делала их всегда про запас. Вечернее солнце заглянуло в окно, и модели сверкали, как серебро. Солнечные лучи придали нарядный вид всей комнате, осветив и белые стены, и красный кирпичный пол, и простую темную мебель. На дворе было уже темно и прохладно; последний луч солнца и теплые краски составляли приятный контраст с сумерками, будто создавали живописное полотно. Филипп любил это время дня. Его художественная натура наслаждалась своеобразной картиной окружающих предметов и красок. Помимо всего, это был его родной дом – единственный, который он знал, и он был ему очень дорог.

Он вошел в свою комнатку и увидел привычное: белоснежную постель с пологом от москитов, маленький столик у окна, уставленного букетами роз, здесь лежали его книги и аспидная доска, – и Филипп почувствовал не без гордости, что нет на свете лучшего уголка. Темная птичка прыгала на ветке за окном и чирикала: «Чик-чирик! Чик-чирик!» Умываясь и приглаживая волосы, Филипп удивительно точно повторил ее нежное чириканье. Затем он взял с полки над кроватью книги и отправился на веранду, где его ждала Туанетта. После ужина Туанетта, отодвинув кресло от стола, подготовилась слушать.

– Мамочка, – умильно проговорил Филипп, выбрав одну из книг и перелистывая ее, – я ужас как устал. Можно не учить сегодня урока?

– Нет, нет! – строго ответила Туанетта. – Разве ты хоть раз приходил в школу с невыученным уроком, с тех пор как впервые пошел к отцу Жозефу? Начинай же, голубчик! У меня есть еще работа, а тебе нужно готовить уроки. Что, отец Жозеф был доволен тобой сегодня?

– Да, мамочка. Он говорит, что я сделал разбор очень хорошо. Так нельзя не учить урока? Ну, ладно уж, начну.

И Филипп, сделав серьезное лицо, дрожащим голосом прочел «Отче наш». Когда он кончил, Туанетта наклонила голову и тихо произнесла: «Аминь». Исполнив эту важную обязанность, Филипп взял книги и уселся на ступеньках готовить уроки, а Туанетта убрала со стола и занялась какой-то хозяйственной работой. Вернувшись через некоторое время, она тревожно посмотрела на Филиппа. Мальчик сидел, уткнувшись подбородком в руки, а книги в беспорядке лежали у его ног. Она еще раз посмотрела на него... Он глубоко задумался. О чем может думать ребенок? Вдруг Туанетта сгорбилась, как-то осела, и руки у нее задрожали, когда она принялась перебирать семена.

С некоторых пор ее тревожило: вдруг он задаст вопрос о том, где его родители? Теперь, в мягком вечернем освещении, мальчик показался ей старше, чем когда-либо, и с внутренней дрожью она почувствовала, что час настал. Мальчик поднял голову и, устремив серьезные глаза на Туанетту, спросил:

– Мамочка, этот господин спросил меня сегодня, живы ли мои отец и мать? Они живы? Туанетта побледнела и отверла глаза от пристального взгляда мальчика.

– Нет, – ответила она дрогнувшим голосом. – Нет, дитя мое, их обоих не стало, когда тебе было всего несколько месяцев.

– Он спросил еще мою фамилию. Есть у меня фамилия?

– Конечно, есть, – с трудом прошептала Туанетта. – Но к чему это он тебя расспрашивал? Это вопросы совсем не для такого маленького ребенка, как ты.

– Нет, мамочка, я уже не маленький и думаю теперь об этом; у всех мальчиков два имени. Даже маленького Билля зовут Билья Браун, а я только Филипп Туанетты!

Облачко грусти промелькнуло на лице Туанетты; с минуту она молчала, затем сказала строго и решительно:

– Никогда больше не спрашивай меня об этом, Филипп. Наступит время, и ты все узнаешь. Если меня не будет, тебе все расскажет отец Жозеф. У него хранятся твои бумаги, и ты их получишь, когда подрастешь. Теперь я не могу ничего больше сказать тебе. Забудь об этом и принимайся за уроки, не то отец Жозеф будет недоволен тобой завтра!

Филипп стал смотреть в книгу, но ничего не видел. Сильное любопытство проснулось в нем, а ответ Туанетты не удовлетворил мальчика; может быть, отец Жозеф объяснит ему больше. Он решил расспросить его завтра же.

Глава VIII Скульптор по воску

Добежав до маленького домика на улице Виллере, где Дея провела большую часть своей короткой печальной жизни, девочка стремительно распахнула скрипучую калитку и вместе с Гомо быстро подбежала по кирпичному тротуару к дверям.

— Папá, папá! — звала она, приложив губы к замочной скважине. — Это я, Дея; впусти меня скорее!

Через несколько минут раздались медленные, тихие шаги, и девочка услышала, как слабая рука повернула ключ; дверь неслышно отворилась. В образовавшуюся щель просунулось бледное, заросшее бородой лицо, с запавшими глазами и взъерошенными волосами.

— Папá, ах, папá! Посмотри только, что у меня! — воскликнула Дея, ловко проскальзывая в дверь. — Я продала «Квазимодо» и принесла тебе поесть!

Отец посмотрел на нее с недоумевающим, беспомощным видом, прижав руку ко лбу, как бы стараясь собрать мысли и пробудить память.

Девочка еле переводила дух от быстрой ходьбы; она заперла дверь, поставила на пол корзину и поспешила открыть ставни, так как в комнате было совсем темно.

Затем, придвинув кресло к столу, заваленному книгами, бумагами и незаконченными восковыми статuetками, она освободила край стола и развернула салфетку с угощением Селины. Приготовив еду, девочка повернулась к отцу и, обхватив его за плечи, подвела к столу и осторожно усадила в кресло.

С минуту он молча смотрел на еду, слезы катились по его впалым щекам.

— Это мне? — прошептал он наконец.

— Да, папá, тебе. Это все тебе.

— Нет, нет, ты сама должна поесть, Дея! Ты голодна.

— Я уже ела, папá, это тебе. Попробуй, увидишь, как вкусно, — настаивала девочка и поднесла ему кусочек.

— Я не голоден; я не могу есть. Я так болен, что не в состоянии есть.

— Милый, дорогой папочка, попробуй! Я купила это для тебя; я продала «Квазимодо». Посмотри, милый, вот деньги! — Она обвила рукой его шею и показала монету. — Разве это не чудесно? Посмотри только, пять долларов — двадцать пять франков! Мы не будем больше голодать. Миленький, родненький папочка, очнись! Постарайся забыть о своей бедной голове, начни есть, и все будет хорошо!

И Дея прижалась лицом к голове отца и нежно целовала его.

Некоторое время он смотрел на деньги, и его слабое тело сотрясалось от рыданий.

— Его уж нет! — простонал он наконец. — Я работал над ним день и ночь. Это была лучшая вещь, какую я когда-либо создал, и эта маленькая монетка — все, что осталось от него.

— О, папá! — вскричала девочка с нежным участием в голосе. — Не думай об этом! Ты создаешь другую вещь, не менее прекрасную. Подумай обо мне, радуйся за меня, будь здоров для меня! Я люблю тебя, люблю! Попробуй поесть, попробуй! Вот вкусный хлеб, а вот твой любимый сыр. — И ласково, как больному ребенку, она, отламывая маленькие кусочки, вкладывала их в рот отца.

Он не сопротивлялся и послушно ел, но без видимого аппетита. Когда он кончил, Дея собрала остатки и отдала Гомо, который внимательно следил за происходившим и, казалось, недоумевал, как может хозяин отказываться от еды. Затем Дея принесла блюдо, на которое положила остатки ужина, и, накрыв салфеткой, спрятала его до следующего раза. Убрав со стола, она отправилась в свою комнатку, сняла платок и шарф и надела передник, закрывший

почти все платье, – на девочке было перешитое платье матери, которое она очень берегла. Дея принялась убирать комнаты, она была так мала и слаба, что веник в ее руках казался непомерно большим, но это не мешало ей работать легко и ловко. Она подмела полы, вытерла пыль и аккуратно поставила все на место; затем вернулась в комнату, где сидел отец, по-прежнему уставив глаза на деньги, с грустным и разочарованным лицом.

– Дай, я спрячу деньги, папá, – сказала Дея, – а завтра куплю тебе все необходимое. Я сейчас приберу на твоем столе и вытру пыль с книг.

У скульптора было множество книг в кожаных и полотняных переплетах; некоторые – в простых бумажных, а иные – без переплета; были среди них книги разных форматов, толстые и тонкие, старые и новые, но было примечательным, что на заглавном листке каждой из них стояло имя Виктора Гюго. Несколько книг представляли роскошные иллюстрированные парижские издания, и эти иллюстрации служили образцом для некоторых работ – статуэток и этюдов – мастера. Часть этюдов была написана и раскрашена самим художником, и все они были исполнены необычайно талантливо. На столике, в рамках под стеклом, стояло несколько изящных групп, а на стене висели медальоны с милым женским лицом в разных ракурсах, а также множество этюдов ребенка, похожего на Дею. Нетрудно было догадаться, что моделями для этих этюдов были Дея и ее мать.

Убирая на столе и вытирая пыль с книг, Дея не переставала говорить тихим, ласковым голосом. Сначала отец не обращал на нее внимания, но мало-помалу взгляд его прояснился, и он начал прислушиваться к дочери. Время от времени он проводил рукой по лбу, как бы отгоняя нечто, заслонявшее ему глаза. Казалось, Дея, повторяя по нескольку раз одно и то же, отгоняла навязчивые видения отца и заставляла его слушать себя.

– Понял ли ты, милый? – повторила она настойчиво. – Завтра этот господин купит «Эсмеральду»; у нас тогда будет пятьдесят франков, а пятьдесят франков хватит надолго. На обед сможем приготовить котлеты и салат, а старая Сюзетта будет опять приходить к нам на работу.

– Пятьдесят франков! Уверена ли ты, Дея, что у нас будет пятьдесят франков? – прервал ее отец, проявляя интерес к словам девочки. – В таком случае я смогу купить немного красок. У меня совсем кончился ультрамарин, да и розовой краски надо бы прикупить. Я начал раскрашивать несколько статуэток, а красок не хватает.

– Они будут у тебя, папá! Я куплю их завтра же. У тебя теперь будет все, что только тебе нужно, – с гордостью говорила Дея.

– Все, что нужно? Ты думаешь, что это так? Так я могу купить книгу «Человек, который смеется» в издании Гашетта? Там превосходные иллюстрации, которые мне хочется скопировать.

– У тебя теперь будет все, что только тебе нужно, – с гордостью говорила Дея.

Дея опечалилась, и голос ее дрожал, когда она ответила:

– Я не знаю, папá, я посмотрю, я спрошу в магазине на Королевской улице. Если не очень дорого, я постараюсь купить.

– Это издание стоит пятьдесят франков, – мечтательно промолвил художник.

– Но папá, милый, мы не можем истратить все деньги на книги, когда у нас нет хлеба.

– Пятьдесят франков, пятьдесят франков! – повторял он жалобно. – И я не могу купить издание Гашетта!

– Купиши, но позже. Мы скоро разбогатеем. Слушай, папá, что я скажу тебе: добрый господин, что купил «Квазимодо», – художник, но он пишет картины, а не занимается лепкой из воска. Он обещает платить мне, если я буду ходить к нему позировать для его картины.

– Но тебе нельзя ходить к нему, Дея, нельзя! – решительно воскликнул отец.

– Он будет платить мне, папá, и я смогу купить книгу.

– Ну, если это даст возможность купить издание Гашетта, – то, пожалуй, можно пойти.

Дея отвернулась и слабо улыбнулась. «Бедняжка папá! – подумала она. – Он готов согласиться на все за книгу Виктора Гюго!»

– Слушай, папá, – продолжала она срывающимся голосом, взяв его длинную худую руку и нежно похлопывая по ней. – Не позволишь ли ты художнику прийти сюда посмотреть твои композиции? Он, может статься, и купит какую-нибудь, а ведь они стоят гораздо дороже, чем отдельные статуэтки. Можно ему прийти сюда и посмотреть их?

– Сюда, Дея?.. Сюда, в этот дом, где я погребен? Чужой – здесь! А я так хвор и убог! Нет, нет, дитя, ты безумна, ты безжалостна! Я никому не отворю дверей, кроме тебя! – И он беспокойно огляделся кругом, словно боясь, что чужие вот-вот ворвутся сюда.

– Ну, не думай об этом, милый, – старалась успокоить его девочка. – Он не придет сюда, если ты не хочешь. Я сама отнесу твои работы к нему. Ты упакуешь их хорошенько в корзину, а я отнесу.

– Ну, да, ты сможешь отнести мои композиции, а теперь я пойду работать.

С нервной торопливостью отец заправил лампу с темным абажуром, взял воск и инструменты и уселся за стол, поправив увеличительное стекло у глаза.

Он был высокого роста и хорош собой, несмотря на болезненный вид; лицо его было одухотворено, движения мягки и изящны, и в то время, как он бесшумно и ловко работал, Дея склонилась над столом и с гордостью нежно смотрела на него.

Сгостились сумерки, Дея тихо поднялась и, закрыв ставни, пошла в комнату отца; она подготовила ему постель, натянула сетку от москитов и поставила графин свежей воды на маленький столик у кровати.

«Бедный папá! – думала она, шагая по комнате с видом взрослой женщины. – Может быть, он будет спать хоть этой ночью, а не шагать по комнате и стонать, как вчера. Надо раздобыть ему эту книгу; он будет так счастлив!»

Приготовив все необходимое, она подошла к отцу проститься перед сном и, целуя его, заботливо прошептала:

– Не засиживайся поздно, милый папá, постарайся нынче поспать. Хорошо?

– Ты доброе дитя, Дея, – ответил отец, рассеянно целуя ее. – Ложись спать и не тревожься за меня. Сейчас мне надо работать, а позже – позже я, пожалуй, лягу отдохнуть.

Несколько часов спустя, когда Дея спала крепким детским сном, отец осторожно вошел в ее комнатку, посмотрел на спокойное личико дочери, на Гомо, вытянувшегося вдоль кровати, и, взяв шляпу с траурным крепом, запер дверь и тихо вышел на солнную, залитую лунным светом улицу.

Глава IX «Дети» отца Жозефа

Утром Филипп, румяный и свежий после крепкого сна, побежал на урок к отцу Жозефу. Он застал старика за чтением, на столе была пустая чашка.

– Мамочка думала, что я опоздаю: меня нынче нельзя было добудиться, – сказал Филипп после обмена приветствиями.

– Нет, дитя мое, ты пришел вовремя, только что пробило шесть, – ответил отец Жозеф, озабоченно закрывая книгу. – Хорошо, что ты так аккуратен. Архиепископ присыпал за мной и просил быть сегодня к девяти часам. Я не спал всю ночь, размышляя, что бы это могло значить. Я встал уже давно и думал, что этот ленивый мальчишка так и не принесет мой кофе.

Пока отец Жозеф говорил с некоторым раздражением в своем обыкновенно спокойном голосе, Филипп окидывал глазами простую комнатку, как бы отыскивая что-то. Наконец, убедившись, что предмета его поисков в комнате нет, он с нетерпением спросил:

– А где они, отец Жозеф? Где же «дети»?

– Мои «дети»?! О, они были так беспокойны, так непослушны, что я вынужден был посадить их в тюрьму. Белянка запылила все мои книги, а Снежинка вылила на себя кофе. Вместо того, чтобы взять свой кусочек сахара, поверишь ли, она от нетерпения прыгнула в мою чашку и совсем испортила свою шелковую белую шубку. И все это случилось потому, что я был сегодня очень рассеян, они полагали, что я ничего не замечу.

– Но где же они, отец Жозеф? Можно мне взглянуть на них до урока? – просил Филипп.

– Они заперты в шкафу, в темноте. Когда они чересчур возбуждены, темнота – единственное средство успокоить их. Может быть, я сам разбаловал их; я и не думаю оправдываться в своей слабости. – Отец Жозеф наклонился к Филиппу и таинственно прошептал: – Смотри, чтобы никто не знал об этом, дитя мое: я научил их плясать.

– О, отец Жозеф, как это забавно! Покажите мне, как они пляшут.

– Сейчас нельзя, не могу, – и отец Жозеф с опаской огляделся. – Они не могут плясать без музыки, а мне нельзя играть на флейте средь бела дня, при открытых окнах.

– Вы играете на флейте, отец Жозеф? – спросил с загоревшимися глазами Филипп. – Как это должно быть хорошо, когда «дети» танцуют, а вы играете.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.